

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 491–497
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 491–497
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

Научная статья
УДК 94(4)

Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти

К. А. Зверев

Костромской государственной университет, Россия, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Зверев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Аннотация. В статье рассматриваются основы исторической парадигмы современной Эстонской Республики и степень восприятия ее основных тезисов местным населением. С провозглашением независимости местный истеблишмент принял решение о полном разрыве с советским прошлым и вынужден был конструировать не только собственный политический механизм, вертикаль власти, но и новую историческую парадигму, способную стать скрепляющим звеном нарождающейся государственности, а также самого эстонского общества (его эстоноязычной и русскоязычной частей). Эстонская политика памяти непосредственным образом повлияла на оформление коллективной идентичности местного населения – в большей степени эстонцев, нежели русскоязычных. Она не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональной Республики и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения.

Ключевые слова: Эстония, русскоязычное население, самосознание, политика памяти, историческая парадигма

Для цитирования: Зверев К. А. Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 491–497. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Historical assessments in Estonian society:
The identity of Estonians and Russian speakers in the context of local memory politics**

К. А. Zverev

Department of History of Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia

Kirill A. Zverev, zverew.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4747-4970>

Abstract. The article examines the foundations of the historical paradigm of the modern Republic of Estonia and the degree of its perception by the local population. With the proclamation of independence, the local establishment decided to completely break with the Soviet past and had to construct not only its own political mechanism, the vertical of power, but also a new historical paradigm that could become a fastening link of the emerging statehood, as well as the Estonian society itself (its Estonian-speaking and Russian-speaking parts). The Estonian memory policy directly influenced the shaping of the collective identity of the local population – to a greater extent Estonians than Russian speakers. The state historical policy failed to become a fastening link for the multinational Republic and predictably defends (and even implants) the historical views of the titular population, without considering other points of view.

Keywords: Estonia, Russian-speaking population, self-awareness, politics of memory, historical paradigm

For citation: Zverev K. A. Historical assessments in Estonian society: The identity of Estonians and Russian speakers in the context of local memory politics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 491–497 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-491-497>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исторические воззрения всегда играли значимую роль в самосознании народов, особенно в

период становления национальной государственности. Поэтому вполне закономерно, что политические элиты стремились утвердить в научной и общественной сфере определенные исторические

трактовки как доминирующие, т.е. реализовывали государственную историческую политику (или политику памяти). Не явились исключением и страны постсоветского пространства, которые вынуждены были не только конструировать собственную политическую, экономическую модель, но и выработать новую концепцию национальной истории, отвечающую современным реалиям. Особенно важно в данном контексте обратиться к опыту стран Балтии, в частности Эстонской Республики, которая не только выбрала стратегию полного отказа от коммунистического прошлого, но и реализовала принцип правового континуитета, объявив о возрождении собственной государственности (1918–1940 гг.) после полувековой «советской оккупации». Дополнительный интерес данной исследовательской теме придает тот факт, что Эстония является многонациональным государством с 30%-ной долей русскоязычного населения, компактно проживающего в столице и на северо-востоке Республики. Кроме того, основные концепции политики памяти Прибалтийских республик, в том числе и Эстонии (восприятие древней истории как борьбы за свободу против иностранных завоевателей, тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма»), в новейший период оказались востребованы среди историков и истеблишмента ряда постсоветских государств (так, следует упомянуть Грузию, Украину, Молдову, в которых после «цветных революций» 2000-х гг. активизировались русофобские настроения и появились негативные оценки советского прошлого по аналогии с риторикой стран Балтии).

В настоящей статье предпринята попытка оценить степень восприятия новых трактовок национальной истории эстонским обществом (его эстоноязычной и русскоязычной частями) и их влияние на самосознание местного населения. Считаем, что данные трактовки прошлого имеют все признаки государственной исторической политики, под которой в данной статье подразумевается набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определенных интерпретаций исторических событий как доминирующих. Понятия «политика памяти», «историческая парадигма» используются как синонимы исторической политики.

Институциональное оформление независимой республики

Эстонская Республика провозгласила свою независимость от Советской России в 1918 г. и сохраняла самостоятельность вплоть до инкорпорации в состав СССР в качестве союзной республики в 1940 г. После Второй мировой войны этно-национальный состав населения Эстонии изменился коренным образом. Доля русскоязычных (постоянных жителей, для которых русский

является родным или функционально первым языком общения) увеличилась в 4 раза – с 8,5% в 1934 г.¹ до 35% в 1989 г.² Большинство из вновь прибывших эстонским языком не владели и имели слабое представление об особенностях местного исторического развития³.

В годы перестройки в Эстонской ССР, как и в других республиках, начался рост национализма и сепаратизма, обусловивший широкую поддержку идеи выхода из состава Советского Союза со стороны титульного населения. Так, в марте 1991 г. в Эстонском референдуме о восстановлении независимости участвовали 82,86% избирателей, имевших право голоса. За независимость проголосовали 77,83%, против – 21,43% (17,77%)⁴. Учитывая, что эстонцы составляли 61,5% населения, становится очевидным, что немалая часть неэстонцев высказалась за независимость. Другими словами, на заре эстонской государственности в самом начале 1990-х общество продемонстрировало достаточно консолидированный запрос на оформление независимости. Это подтверждают и результаты социологического исследования, проведенного акционерным обществом ЭМОР 16–18 сентября 1991 г. в городах северо-востока Эстонии (место компактного проживания русскоязычного населения) среди неэстонского населения региона об отношении к гражданству вновь образованного государства. 46% опрошенных заявили, что готовы сразу же подать заявление на получение эстонского гражданства; 37% посчитали, что они должны еще подумать; 5% определенно не собирались добиваться гражданства⁵. Приведенные цифры свидетельствуют о достаточно высокой степени лояльности нетитульного населения к новой Эстонской Республике и титульному населению (таблица). Однако официальный Таллин предпочел путь конфронтации в историческом и правовом поле. В результате уже к середине 1990-х гг. обозначился рост взаимного недоверия (см. табл.).

Основными законодательными актами местных властей на пути к выходу из состава СССР стали Закон «О государственном статусе Эстонии»⁶ и постановление Верховного Совета ЭССР «О государственной независимости Эстонии»⁷, в которых инкорпорация в Советский Союз 1940 г. объявлялась незаконной и инспирированной извне, весь период существования Эстонской ССР интерпретировался как «советская оккупация», а также провозглашалось «восстановление» (или принцип правового континуитета) Эстонской Республики 1920–1930-х гг. со всеми вытекающими правовыми последствиями. Данная особенность в виде «реставрации» государственности межвоенного периода нуждалась в объяснении и популяризации в обществе, что обусловило повышенное внимание официального Таллина к историческому дискурсу (в особенности в отношении событий XX в.) и сподвигла местный

Ощущение общности русских и балтийских народов, %⁸

Годы	Эстонцы	Русские в Эстонии	Латыши	Русские в Латвии	Литовцы	Русские в Литве
Насколько Вы ощущаете свою общность с эстонцами, латышами, литовцами?						
1993	86	24	63	25	76	31
1995	88	28	74	25	82	
1996	84	13	80	21	83	36
Насколько Вы ощущаете свою общность с русскими?						
1993	4	62	9	57	7	52
1995	5	70	9	52	4	51
1996	4	73	14	65	4	57

истеблишмент к оформлению государственной исторической политики.

Оформление концепции национальной истории

Эстонскую политику памяти можно свести к следующим основным компонентам: первый – «историческому этноцентризму», под которым мы подразумеваем комплекс подходов в историографии по написанию крайне национально-центричной «истории эстонцев», интерпретации истории как извечной борьбы за независимость и свободы от иностранных захватчиков; второй и третьей составляющим местной исторической парадигмы – «концепции оккупации стран Балтии» и «антикоммунизму», направленным на популяризацию в научной и общественной сферах утверждений об «оккупации» Советским Союзом Эстонии, Латвии, Литвы, а также на обличение «преступлений коммунизма» против народов Прибалтийских республик.

Вне исторического контекста «концепция оккупации стран Балтии» и взаимосвязанный с ней принцип правового континуитета выразились в «реставрации» правовой базы Республики 1918–1940 гг. и, как следствие, неравноправном положении местного русскоязычного населения: отказ официального Таллина от автоматического предоставления гражданства всем жителям Республики (прибывшим в период «оккупации»), введение для неэстонцев процедуры натурализации, отказ от статуса русского языка как государственного и возникающие вследствие этого политические, профессиональные и экономические ограничения для нетитульного населения. Все это выразилось в нарастании межнациональных противоречий и привело к расколу общества по этноязыковому признаку – на эстоноязычное большинство и русскоязычное меньшинство. Данный раскол обозначился уже в первой половине 1990-х гг. (см. табл.). Однако местный истеблишмент, не пожелав пойти на уступки в правовом и языковом поле, решил преодолеть межнациональные трения, в том числе через реализацию новой государственной исторической парадигмы, активизация которой стала особенно заметной в 2000-х гг.

Так, эстонский политик (премьер-министр Эстонии в 1992–1994 гг. и в 1999–2002 гг.) и историк (автор учебников по истории Эстонии для средней школы) Март Лаар в одной из своих работ в предисловии отметил, что «до сих пор историю писали немцы и русские, писали “официальную историю”, которая игнорировала историю эстонцев. Чтобы сбалансировать данную особенность, эстонские историки иногда становятся довольно национально-центричными. Данная книга призвана рассказать историю борьбы эстонского народа за свободу»⁹.

Однако по мере укрепления собственной государственности в условиях XXI в. и господства идей мультикультурализма, европейских ценностей наметилась необходимость корректировок прежних исторических подходов. В частности, это выразилось в появлении нового фундаментального труда «История Эстонии» под авторством 11 исследователей Института истории и археологии Тартуского университета¹⁰ в 2012 г. Это событие знаменовало собой активизацию нового витка дискуссий в национальной исторической науке о степени состоятельности классических национально-романтических трактовок прошлого. По мнению эстонского публициста Эррки Баховски и историка Игоря Копытина, трактовка событий 1200–1550-х гг. в новой «Истории Эстонии II» является революционной, поскольку ставится крест на преобладавшей ранее национально-романтической подаче истории Средневековья Эстонии, которую постепенно развивали Гарлиб Меркель в XVIII в., Карл Роберт Якобсон в XIX в. и Ханс Круус в XX в. Так, в новой редакции «Истории Эстонии» к событиям 1208–1227 гг., т. е. времени борьбы древних эстов против крестоносцев, применяется не привычное название «Древняя освободительная война» («Muistne vabadusvõitlus»), а крестовые походы в Северо-Восточной Европе («Kirde-Eurooparistsõda»). Один из авторов книги историк Марек Тамм считает, что понятие крестовых походов более объективное и его использование опирается на историографию средневековой Европы. Разговор об отстаивании свободы не имеет под собой почвы, поскольку у эстов тогда отсутствовала государственность и сами они зача-

стую воевали между собой, в том числе и на стороне иноземных захватчиков¹¹. Также в новой книге история подается менее этноцентрично. Профессор Анти Селарт отмечает, что *«историю Эстонии как таковую раньше рассматривали лишь с конца XVIII века, то есть начиная с Меркеля и Якобсона. И историки советской Эстонии рассматривали отечественную историю лишь как историю крестьянства. Предшествующие события были как бы историей немцев. Теперь же от этого отказались, не ставя больше ударение на национальный аспект, а рассматривая историю всех народов, действовавших на этой земле»*¹². С критикой нового подхода выступили историки Лаури Вахтре и упомянутый выше Март Лаар, которые считают, что замена «Древней борьбы за свободу» не имеет веских причин, поскольку это стержень самосознания всей эстонской нации¹³. Столь жаркие дискуссии в отношении одного исторического труда, пусть и фундаментального, объясняются тем, что «История Эстонии II» является итогом 15-летней работы местных ученых-историков, своего рода «государственным заказом», на основе которой будут написаны школьные учебники и преподаваться отечественная история.

По большому счету в данном споре прослеживается тенденция к постепенному отказу от этноцентризма и национальных мифов 1930-х гг., поступательное движение в сторону более мультикультурной и глобалистической подачи истории¹⁴.

Исторические оценки эстонцев и русскоязычных

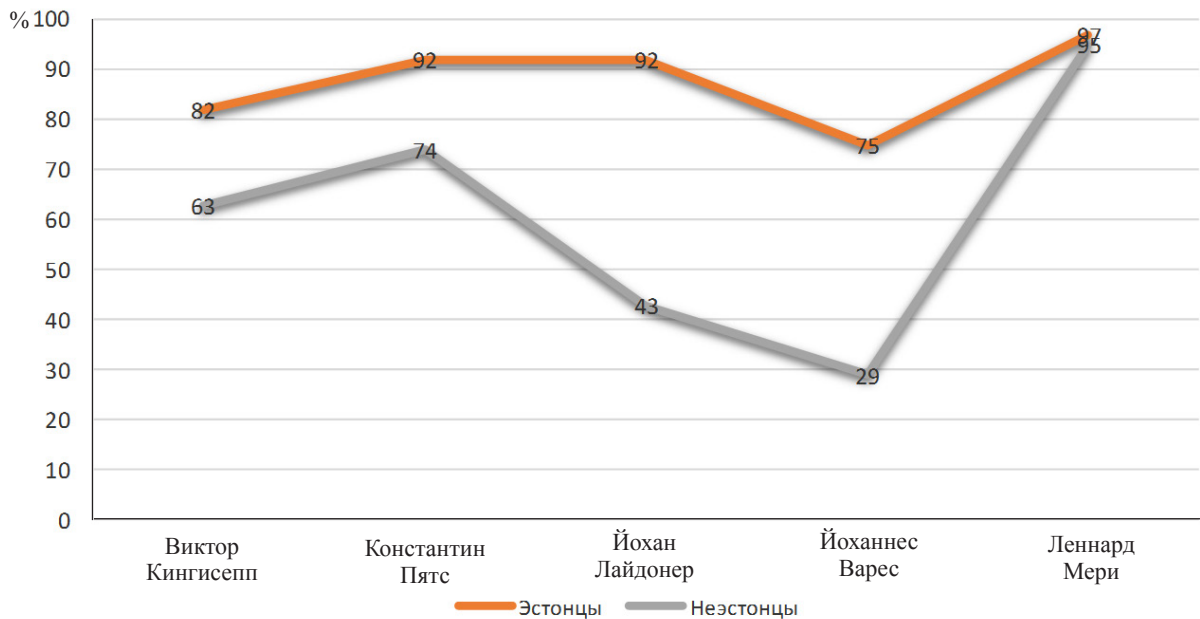
Что касается самого эстонского общества, то, как и в Литве, Латвии, основной интерес здесь прикован к событиям XX в., ставшего переломным в национально-государственном строительстве. Так, в апреле 2009 г. фирмой Saag Poll в Эстонии было проведено социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», которое показало отношение жителей страны к основным событиям и личностям XX в.¹⁵ Согласно полученным результатам 73% эстонцев заявили, что интересуются историей своей страны, а 78% испытывают интерес к событиям XX в., тем самым демонстрируя наивысший результат среди стран Балтии. Этот же опрос выявил среди латышей 60% интересующихся отечественной историей и 58% – событиями XX в. Среди литовцев таковых было 51% и 46% соответственно¹⁶. Другими словами, не проявляют интереса к истории половина литовцев, 40% латышей и лишь 20% эстонцев. Это говорит о большом значении политики памяти и исторического дискурса как такового для официального Таллина.

По данным исследования Saag Poll этнические эстонцы показали довольно высокий уровень информированности о личностях и событиях XX в. – в среднем около 80–90%. При этом наиболее положительные оценки заслужили полити-

ческие деятели периода буржуазной республики 1920–1930-х гг. и современности, а наименьшие – члены эстонской компартии¹⁷. Советский период истории в целом, за исключением победы в Великой Отечественной войне, разоблачения культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС и распада СССР, вызвал более чем негативные оценки эстонского общества. Обращает на себя внимание и более критический взгляд на советское прошлое молодежи младше 30 лет, среди которой капитуляцию нацистской Германии перед СССР положительно оценили лишь 55%, против 70% из числа более возрастных респондентов, распад Советского Союза поддержали 75% молодых людей, против 70% представителей старшего поколения¹⁸. Респонденты младше 30 – это и есть поколение, выросшее в независимой Эстонии, которое испытало на себе изменение господствующей исторической концепции, а также основные меры местной политики памяти.

По результатам этого же социологического исследования 2009 г. информированность неэстонцев об основных событиях и личностях истории Эстонской Республики XX в. в среднем на 20–30% ниже, чем у титульного населения (рисунок). На наш взгляд, это можно объяснить наличием прослойки русскоязычных, прибывших в Республику в зрелом возрасте и не знакомых с местной историей, не проходивших ее в школе). Оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии – Виктора Кингисеппа (российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940 г., председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946 гг.), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). Поддержку первому президенту новой Эстонии – Леннарту Мери выразили лишь 76% неэстонцев, среди коренных жителей таковых было 90%¹⁹. Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны) касательно большей части исторического контекста, что свидетельствует об отсутствии поляризации общества, о существовании своеобразного диалога в эстонском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй мировой войны).

Разделяющим эстонское общество звеном, без сомнения, стала «концепция оккупации стран

Информированность об эстонских исторических личностях²⁰

Балтии» (выработанная Б. Мейснером, Д. Лёбером, В. Шлау и другими членами Геттингенской рабочей группы)²¹, которая заключается в продвижении тезисов о том, что в 1940 г. Эстония, Латвия, Литва были оккупированы Советским Союзом и незаконно инкорпорированы в его состав (в этой связи в эстоноязычном обществе стали культивироваться антисоветские и антикоммунистические настроения, в том числе восприятие событий Второй мировой войны не как освобождение народов Европы и Прибалтики советскими войсками²², а как «смена немецкой оккупации советской»)²³. В рамках данной концепции в эстонском обществе сложились диаметрально противоположные взгляды эстонцев и русскоязычных на события Второй мировой войны, которые весьма показательны на примере так называемой «Войны памятников», начавшейся в 1991 г. и продолжающейся с разной степенью интенсивности до настоящего времени. В первую очередь, сразу после провозглашения независимости, с центральных площадей эстонских городов в рамках декоммунизации исчезли памятники Ленину, другим «красным» вождям и партийным деятелям, улицам и площадям были возвращены довоенные названия. К началу 2000-х гг. основное внимание переместилось на монументы, посвященные Великой Отечественной войне. Провокации вокруг этих памятников проводились в преддверии местных парламентских выборов. Одновременно начали появляться новые монументы, прославлявшие бывших легионеров СС, а также тех, кто воевал на стороне нацистской Германии или пострадал от советской власти (например, монумент в местечке Лихула на западе Эстонии). Однако наибольший

общественный резонанс вызвали действия правительства Республики по демонтажу в конце апреля 2007 г. памятника «Павшим во Второй мировой войне» (или «Бронзового солдата»). Это вызвало недовольство русскоязычного населения и массовые беспорядки в Таллине и городах северо-востока Эстонии, получившие название «Бронзовых ночей»²⁴, которые продемонстрировали наличие глубокого межэтнического конфликта в Эстонии, в том числе и в вопросе исторических оценок²⁵. Так, согласно социологическому исследованию TNS Emor, проводившемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» поддержали 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия главы правительства негативно. В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был проведен опрос населения, посвященный событиям конца апреля 2007 г. Если 51% опрошенных эстонцев сочли решение властей о демонтаже монумента «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев данный вариант ответа поддержали лишь 4% и 7% соответственно²⁶. Здесь мы видим не только диаметрально противоположные взгляды на действия властей, но и на восприятие самого исторического контекста событий Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее части. В ходе другого социологического исследования 2010 г. 92,3% русских и 78,9% эстонцев согласились с утверждением, что различное толкование вопроса оккупации и Великой Отечественной войны не только имеет место быть, но и препятствует в налаживании межобщинного диалога. Обострение межнациональных отношений в Эстонской Республике в 2010 г. связывали с политикой России 36%

русскоязычных участников исследования и 74% эстонцев. И наоборот, правительство Эстонии в межэтнических трениях обвинило около 90% неэстонцев и 56,8% респондентов, чьим родным языком является эстонский²⁷. В 2007 г., в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56%²⁸. Весьма показателен и социологический опрос, проведенный по заказу правительства г. Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причем доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации», постоянно растет²⁹. По нашему мнению, данные настроения, не отвечающие основным устремлениям эстонской политики памяти, могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж «Бронзового солдата» в Таллине), но и отчужденности местного русскоязычного населения от Эстонской Республики вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (из-за отсутствия гражданства)³⁰.

Обращает на себя внимание и интеграционная политика официального Таллина, направленная на нивелирование межнациональных трений в Республике. Понимая взаимосвязь интеграции рецепции местной государственной исторической парадигмы, эстонские власти включили в качестве критериев интегрированности неэстонцев в эстонское общество «*положительное отношение к переменам, произошедшим в эстонском обществе за последние пятнадцать лет, доверие к эстонскому государству*»³¹. Другими словами, отказ от положительных оценок новейшего периода эстонской истории служит аргументом в пользу нелояльности к Эстонской Республике. Данные поправки в местную программу интеграции на 2008–2013 гг.³² были внесены именно после уже описанных нами событий «Бронзовых ночей». Однако и в настоящее время данные утверждения вполне актуальны. Так, в конце декабря 2020 г. эстонский политик Кристина Каллас в интервью заявила: «*Празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять. Потому что это то, что в сознании эстонцев автоматически связывает вас с Россией. <...> Мы празднуем 9 мая, как российский праздник, политические праздники Российской Федерации, если русские их здесь справляют, то для эстонцев это сразу "пятая колонна", но если русские празднуют это как семейный праздник, всё в порядке*»³³. До сих пор политические и общественные деятели предпочитали не высказываться относительно возможности исправления памятных дат.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что эстонская политика памяти непосредственным образом повлияла на оформление коллективной идентичности местного населения – в большей степени эстонцев, нежели русскоязычных. Восприятие древней истории как борьбы против колонизаторов, идеалистические воспоминания о Республике 1918–1940 гг., павшей жертвой «советской агрессии» и последовавшая за этим полувековая «оккупация» прочно утвердились в национальном самосознании. Однако государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональной Республики и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате комплекс правовых, языковых и исторических подходов местного истеблишмента к проблеме русскоязычных жителей Эстонии привел к росту их отчужденности как по отношению к Эстонскому государству, так и коренным жителям (при этом изначально неэстонцы были более чем лояльны к новому государству). Несмотря на некоторое сближение исторических воззрений эстонцев и молодых русскоязычных, отношение к прошлому продолжает разделять эстонское общество, оставаясь питательной средой для конфликтов.

Примечания

- 1 Rahvaloendused Eestis : 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. Tallinn : Statistikaamet, 1997. 55 l.
- 2 2000. Aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud K. Käand, M. Langi, R. Leinbock ... jt.]. Tallinn : Statistikaamet, 2001. L 14.
- 3 Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning]; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn : Tallinna Raamatutrukikoda. 296 lk.
- 4 См.: Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии : Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия : общества и государства. М. : Референдум, 2002. С. 105.
- 5 Rahvusarhiiv (Эстонский государственный архив). Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.
- 6 Закон Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 г. «О государственном статусе Эстонии» // К Союзу Суверенных Народов : сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. А. И. Доронченков. М. : Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 243.

- ⁷ Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 авг. № 25.
- ⁸ Фурман Д., Задорожнюк Э. Указ. соч. С. 113.
- ⁹ Цит. по : Laar M. Op. cit. P. 13.
- ¹⁰ Selart A., Kala T., Kaljundi L., ... jt. Eesti ajalugu II : Eesti keskaeg. Tartu : Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2012. 456 lk.
- ¹¹ См.: Копытин И. Новый взгляд на историю Эстонии // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения: 07.11.2020).
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182–200.
- ¹⁵ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajaloteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
- ¹⁶ Там же. L. 5.
- ¹⁷ Там же. L. 5–16.
- ¹⁸ Там же. L. 42.
- ¹⁹ Там же. L. 9.
- ²⁰ Там же. L. 7.
- ²¹ Meissner B., Loeber D. A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel : Beiträge 1954–1994. Hamburg : Bibliotheca Baltica; Tallinn : Ühiselu, 1995. 319 lk.
- ²² См.: Зеттерберг С. История Эстонской Республики / пер. Д. Брунс. Таллинн : KPD, 2013. 400 с.
- ²³ См.: Крийска А., Мязсаду А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А, Таннберг Т. История Эстонии / пер. Э. Вяря. Таллинн : Avita, 2020. 350 с.
- ²⁴ Monumentaalne konflikt : mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud P. Petersoo ja M. Tamm. Tallinn : Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 lk.
- ²⁵ См.: Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2015. 298 с.
- ²⁶ См.: Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия : Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. М. В. Демиурина, В. В. Симиндея. М. : Фонд «Историческая память», 2009. С. 160–163.
- ²⁷ Отношения между общинами осложняют невоспитанность и вопросы истории // Postimees. 2010. 14 сент. URL: <https://rus.postimees.ee/312869/otnosheniya-mezhdu-obshchinami-oslozhnyayut-nevosпитанност-i-voprosy-istorii> (дата обращения: 21.11.2020).
- ²⁸ Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusutiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения: 28.11.2020).
- ²⁹ См.: Тамм М. Нарва : Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 окт. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estiliitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения: 28.11.2020).
- ³⁰ См.: Зверев К. А. Указ. соч. С. 160–189.
- ³¹ Цит. по : Лауристин М. Эстонская программа интеграции 2008–2013 : Заключительный отчет об исследовании необходимости и возможности реализации. Таллинн : Integratsiooni Sihtatus ; Tartu, 2008. С. 21.
- ³² Эстонская программа интеграции 2008–2013 // Kultuuriministeerium (Сайт Министерства Культуры Эстонии). Систем. требования : Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.kul.ee/sites/kulminn/files/loimumiskava_2008-2013_rus_vv_11.06.09_nr_236.pdf (дата обращения: 20.11.2020).
- ³³ Каллас Кристина. Празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять русским в Эстонии // DELFI.lt 2020. 26 дек. URL: <https://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=92059713> (дата обращения: 29.12.2020).

Поступила в редакцию 01.03.2021, после рецензирования 07.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
 Received 01.03.2021, revised 07.06.2021, accepted 30.06.2021